

РЕВОЛЮЦИЯ
1905 - 1907
ГОДОВ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ
РАЙОНАХ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Под редакцией
члена-корреспондента Академии наук СССР
А. М. Панкратовой
и профессора А. Л. Сидорова*

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В КАЗАХСТАНЕ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСТАНА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

До 60-х годов XIX в. происходил процесс военно-политического завоевания Казахстана царской Россией. В. И. Ленин, указывая на особенности окраин России как колоний, писал, что окраины России не сразу, а постепенно становились колониями в экономическом отношении. Вначале шёл процесс военно-политического завоевания и подчинения, а затем экономическое их освоение, т. е. превращение окраин в колонии. Раскрывая сущность понятия колонии, Ленин указывал на следующие характерные признаки: «1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия»¹.

Ленин указывал, что южные и восточные окраины России, заселявшиеся в пореформенную эпоху, отличались именно этими признаками и представляли собой в экономическом смысле колонии Центральной Европейской России².

Царская Россия, потерпев поражение в Крымской войне, вынуждена была искать внутренних рынков за счёт расширения колониальных владений в Средней Азии, в Казахстане.

Развитие капитализма в России в пореформенный период, потеря крестьянами (в результате реформы 1861 г.) пятой части своих наделов, появление нового, капиталистического класса в русской деревне — кулака — всё это вызвало обострение

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 520.

² См там же.

классовых противоречий в России, острую борьбу за землю и привело к необходимости поисков незаселённых земель на окраинах.

Во второй половине XIX в. завершился процесс завоевания Средней Азии. Были завоёваны Коканд, Бухара, Хива.

Уже тогда начался процесс экономического освоения, превращения Средней Азии и Казахстана в колонию. «Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь,— писал Ленин,— служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»¹.

Казахстан и вся Средняя Азия, Кавказ и Сибирь превращались в колонии России, в рынок сбыта промышленных изделий, в сырьевую базу для развивающейся российской промышленности.

С конца XIX в. начался процесс проникновения русского капитала в казахскую степь, усилилось развитие буржуазных товарно-денежных отношений. Этот процесс был объективно-прогрессивным явлением, так как Казахстан стал втягиваться в орбиту мировой торговли, в кругооборот капиталистических отношений.

В казахском ауле в связи с развитием товарно-денежных отношений усилился процесс разложения феодально-патриархальных отношений, ломался патриархальный уклад и родовой быт казахской общины. Усиление экономических и торговых связей России с Казахстаном означало усиление политических и культурных связей, прогрессивного влияния более передовой русской экономики и культуры на хозяйство и быт казахов.

Ленин и Сталин неоднократно говорили о том, что в конце XIX и начале XX в. происходил процесс экономического и политического сближения метрополии с окраинами России. «Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил,— писал И. В. Сталин,— поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остаётся процессом прогрессивным»².

Отмечая прогрессивный характер влияния экономики России на экономику окраин, Ленин и Сталин указывали и на другую, отрицательную сторону колониальной политики царизма на окраинах — на факт усиления национального и колониального гнёта и массового разорения и обеднения хозяйства народов окраин и как следствие этого — на вымирание этих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, изд. 4, стр. 76.

² И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 181.

народов. «Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путём сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми»¹.

Как шёл процесс проникновения капитализма в казахскую степь и сближения экономики России с экономикой Казахстана, как Казахстан превращался в колонию царской России?

Сближение Казахстана с Россией, развитие экономических связей в начале колонизации шло по линии развития торговли. Торговля в казахской степи в конце XIX и начале XX в. была основной формой экономических связей и проникновения русского капитала в казахскую степь. Если в 1862 г. весь торговый оборот России на всех среднеазиатских рынках составлял лишь 6,6 млн. руб., то к концу XIX в. торговый оборот России в Казахстане исчислялся в сотнях миллионов рублей.

Данные статистики только по четырём областям Казахстана — Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской — показывают, что в 1900 г. их торговый оборот равнялся 100 млн. руб. Из Казахстана вывозились продукты животноводства: скот, кожа, сало, шерсть, мясо и др., ввозились промышленные товары и хлеб.

В 1900 г. торговля с Казахстаном давала русским купцам доход в 9 млн. руб., а через 10 лет этот доход исчислялся в 15,3 млн. руб.

Байские хозяйства превращались всё более и более в товарные хозяйства, изменялся и самый характер и направление их, усиливалась дифференциация в казахском ауле. Вместо развития овцеводства усиливается развитие коневодства и разведение крупного рогатого скота, намечается серьёзный поворот в сторону перехода к земледелию, к заготовкам кормов для скота, к стойбищному ведению скотоводческого хозяйства. В связи с этим процессом изменялся и характер казахской родовой общины. Кровная родовая община превращалась в территориальную общину. Казахи селились в одном большом ауле не по принципу кровного родства, а исходя из хозяйственных потребностей.

В северных областях Казахстана в первые годы XX в. процесс перехода к оседлому земледелию и к разведению крупного скота — лошадей, коров и верблюдов — идёт особенно интенсивно. Байские хозяйства становятся всё более

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 181—182.

товарными. Они разводят скот для продажи. Происходит процесс захвата баями общинных пастбищ, усиливается эксплуатация казахов-общинников. С другой стороны, происходит разорение и обеднение казахских масс, которые при наличии малого количества скота вынуждены поневоле переходить к земледелию. Из годовых отчётов генерал-губернаторов и по данным переселенческого управления видно, что число малоскотных — бедных — хозяйств у казахов Семиречья и северных областей в 1903—1905 гг. равнялось 65—70%. Обезземеление и разорение казахов, а также организация переселенческих посёлков из русских крестьян, развитие ими земледельческой культуры имели также большое влияние на переход казахов к оседлому земледелию. До 50% казахских хозяйств в северных областях перешли в начале XX в. к оседлому земледелию или к полuosедлому ведению скотоводческого хозяйства.

Царское правительство не только не ограничивало возможности развития байского товарного хозяйства, а всячески поощряло его. Баи начинают применять сельскохозяйственные машины и усовершенствованные орудия, переходят от чисто кочевого хозяйства к сочетанию кочевого скотоводства с земледелием и стойбищным ведением скотоводческого хозяйства, захватывают лучшие общинные пастбища и сенокосные угодья. Байские крупные хозяйства становились основными поставщиками животноводческого сырья для русской промышленности и торговли. Всё это приводит к разрушению казахской общины, к разорению и обеднению трудящихся казахов.

Политика царского правительства по отношению к казахским феодалам сводилась к тому, чтобы сохранить феодальные отношения и родовой быт у казахов, сохранить господствующее положение баев и манапов, дать им возможность эксплуатировать казахов-бедняков на основе использования родовых обычаев. Жульническая, продажная система «выборов» волостных и аульных старшин и суда давала баям возможность безнаказанно грабить и угнетать казахов-бедняков. Такая политика царизма консервировала патриархально-феодальный быт у казахов, обеспечивала сохранение азиатских приёмов управления и грабежа казахского населения. В этих условиях байские хозяйства могли расти, крепнуть, развиваться, приспосабливаясь к требованиям «потребителя» животноводческой продукции — к русским фабрикантам и купцам.

Таким образом, в начале XX в. изменяются общественные отношения внутри казахского общества, а также отношения между колонией — Казахстаном и метрополией — Россией.

Если в XIX в. колонии втягивались в обмен товаров, а не в капиталистическое производство, то в эпоху империализма мы имеем не только усиление обмена между колониями и метрополией, но и «пересаживание» капиталистического производства в колонии.

В Казахстан вывозились не только готовые товары русской промышленности, но и капиталы. Русские капиталисты и купцы строили там новые промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и продуктов животноводства. С конца XIX в. началось интенсивное строительство железных дорог. Сама переселенческая политика, организация переселенческого дела, уже являлась массовым вывозом капитала из России.

Развитие промышленности в Казахстане в начале XX в. шло сравнительно быстрыми темпами, что видно из таблицы ¹:

Годы	Число фабрик и заводов	Сумма производства (в руб.)	Число рабочих
1900—1901	2 668	5 731 101	8 824
1905—1906	3 491	3 932 271	11 025
1909—1910	4 044	27 675 568	16 522

Но абсолютное число рабочих показывает, насколько ещё слабо промышленность Казахстана была развита, и это при наличии огромных природных богатств (нефть, уголь, свинец) и сельскохозяйственного сырья.

Предприятия, возникшие в Казахстане, были мелкие, с небольшим числом рабочих. Всего в Казахстане рабочих было столько, сколько на одной текстильной фабрике Морозова в Орехово-Зуеве. Основными промышленными районами в Казахстане были Риддер, Караганда, Жарсакапай, Успенские рудники, Эмбинские нефтепромыслы, принадлежавшие иностранным капиталистам. В большинстве своём это были мелкие предприятия по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и продуктов животноводства: мельницы, просорушки,

¹ Цифры даны по материалам «Всеподданнейших отчётов генерал-губернатора» и материалам «Обзоров» по областям Казахстана.

маслобойные заводы, кожевенные, салотопенные, мыловаренные заводы, шерстомойки и пр. На всех этих предприятиях преобладали ручной труд и примитивная техника. Машины и двигатели внедрялись в производство очень медленно, но постепенно наряду с ветряными и водяными двигателями появлялись керосиновые и нефтяные.

Слабое развитие промышленности Казахстана являлось следствием экономической отсталости и колониальной военно-феодалной политики царского правительства и русских капиталистов. Казахстан для царской России был только источником сырья и рынком сбыта, колонизационным фондом для крестьянских переселений из России.

Царское правительство не было заинтересовано в развитии производительных сил Казахстана. Наоборот, оно старалось сохранить полуфеодалные порядки и власть баев над казахским народом. «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, — писал Ленин, — ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодалная эксплуатация «иностранцев»¹.

Однако в связи с колонизацией и развитием торговли и промышленности Казахстана росли города как административно-колониальные центры, росло и население городов за счёт пришлых элементов из России — чиновников, служащих, купцов, духовенства, ремесленников, рабочих и пр., а также и за счёт коренного населения — казахов-бедняков, работавших в городах по найму.

Основной массой рабочих на предприятиях Казахстана были казахи (60—70%). Они выполняли самую тяжёлую чёрную работу. Квалифицированные рабочие — мастера и надсмотрщики — были русские. Рабочие-казахи, по признанию царских чиновников и предпринимателей, «благодаря своей приспособленности и знанию дела, а также нетребовательности и работоспособности быстро вытеснили русских пришлых рабочих»².

Положение казахского пролетариата было очень тяжёлым. Рабочие получали низкую заработную плату при 14—16-часовом рабочем дне. Жили в сырых, холодных и грязных бараках или же в кибитках и землянках, построенных вокруг территории предприятия. Особенно тяжёлые, невыносимые условия труда и быта рабочих были на предприятиях иностранных капиталистов — концессионеров. Иностранцы, как и русские капиталисты, не были заинтересованы в том, чтобы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, изд. 3., стр. 199.

² «Обзор Уральской области за 1915 год», стр. 69.

вкладывать большие капиталы в предприятия, улучшать технику производства, создавать более благоприятные условия труда для рабочих.

Рабочие-казахи, как и всё казахское население, были бесправны. Их эксплуатировали и капиталисты, и торговцы-купцы, и баи, и царское правительство. «Всем известно, — писал Ленин, — что колонии завоеваны огнем и мечом, что в колониях зверски обращаются с населением, что его эксплуатируют тысячами способов (посредством вывоза капитала, концессий и т. п., обмана при продаже товаров, подчинения властям «господствующей» нации и так далее и тому подобное)»¹.

Подчинение Казахстана России и его колонизация привели вопреки политике царского правительства, старавшегося посеять между русским и казахским населением национальную рознь и ненависть, к сближению и объединению трудящихся масс русского и казахского народов в борьбе против общих врагов — царизма, капиталистов, помещиков, кулаков и баев. Перед трудящимися массами казахов и русских, украинцев и дунган, уйгур и других народностей Казахстана вставала общая задача — поддержать русский народ в его борьбе с самодержавием, осуществить демократическую революцию, уничтожить национальный гнёт и бесправие, добиться политических свобод для трудящихся всех национальностей. На основе этих общих задач, общности интересов трудящихся всех национальностей, в Казахстане развивалась революционная борьба.

Земельный вопрос до революции 1905—1907 гг. в Казахстане не имел того значения, какое он приобрёл во время революции и позднее — после 1907 г., в связи с переселением крестьян из России и массовым изъятием земель у казахов. Русские крестьяне до революции 1905—1907 гг. селились на свободных казахских землях, зачастую отводимых им самими казахскими общинами. Казахи охотно отдавали свободные участки земель русским крестьянам под переселенческие посёлки на основе добровольного соглашения, купли-продажи или аренды земли. Между казахским и русским населением устанавливались добрососедские и дружественные отношения. Тургайский генерал-губернатор в отчётном докладе царю за 1901 г. указывал, что «в отчётном году со стороны киргизского населения к русским переселенцам не нарушалось миролюбивое отношение»².

Рабочие-казахи, работая вместе с русскими рабочими, дружили с ними и учились у русского рабочего класса революционной борьбе.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, изд. 3, стр. 196.

² Исторический архив Казахской ССР (ИА КССР), ф. 25, оп. 1, д. 709, л. 1—3.

ЗАРОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ И ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Рабочий класс Казахстана, малочисленный и распылённый на огромных пространствах, вступил в революционную борьбу под руководством русских рабочих в начале XX в. Совместная революционная борьба рабочих — русских и казахов — против капиталистической эксплуатации и национального гнёта носила тогда ещё стихийный характер. Первые стачки рабочих были вызваны ухудшением и без того тяжёлого положения в связи с промышленным кризисом 1900—1903 гг.

Наиболее крупными из забастовок в Казахстане в начале XX в. были забастовки на Успенском руднике в 1901—1903 гг., а также в Экибастузе и Караганде в 1902 и 1903 гг.

Рабочие выдвигали тогда чисто экономические требования — повышения заработной платы, улучшения условий труда и быта. Забастовки происходили среди железнодорожных рабочих Сибирской железной дороги, на строительстве Оренбург-Ташкентской железной дороги. Наиболее крупной железнодорожной забастовкой была забастовка на станции Мугаджары, вызванная задержкой заработной платы в течение двух месяцев и тяжёлыми условиями труда. В забастовке принимали участие 800 человек. Ленинская «Искра» 1 февраля 1903 г., сообщая о тяжёлом положении железнодорожных рабочих Ташкентской дороги, писала: «Не стоит говорить об обсчитывании подрядчиками рабочих, о чрезмерной эксплуатации, о ямах, покрытых соломой, носящих название бараков, о щах из гнилых сушёных овощей, — всё это слишком заурядные явления, чтобы об этом стоило говорить».

И такие условия были везде. На Спасском медеплавильном заводе Рязановых 20 декабря 1903 г. началась забастовка казахов, о которой управляющий заводом Сухоруков сообщал: «В означенный день большинство рабочих — киргиз заявили расчёт, не желая продолжать работать, а также старались повлиять на тех рабочих, которые не присоединились к ним»¹.

Забастовка продолжалась три дня. Рабочие выставили экономические требования. Но все эти забастовки были единичными, разрозненными выступлениями отдельных групп рабочих. Только позднее, с развитием революционного движения в России и распространением влияния революционной социал-демократии на окраины, революционное движение в Казахстане приняло широкий и организованный характер. «Пробуждение к политической жизни азиатских народов, — писал

¹ ИА КССР, ф. 5449, оп. 2, д. 209, л. 68.

Ленин, — получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»¹.

Во время русско-японской войны генерал-губернаторы Казахстана сообщали Департаменту полиции и Министерству внутренних дел о тревожных настроениях и брожении среди узбеков, казахов и других народов Средней Азии, высказывали опасение насчёт возможности повторения андижанского восстания 1898 г.

В донесении степного генерал-губернатора «О мусульманской агитации в Туркестанском генерал-губернаторстве» сообщалось, что ещё до революции в России в казахской степи началось брожение среди киргизов, т. е. казахов, что эти волнения были вызваны различными стеснениями как в правовом, так и в религиозном отношениях. В связи с этим Министерство внутренних дел в марте 1905 г. издало циркуляр «Об отмене стеснительных мер в отношении инославных вероисповеданий».

В этом циркуляре указывалось, что имеется стремление агитаторов использовать недовольство казахского населения «для своих противоправительственных целей». Во время русско-японской войны царское правительство временно приостановило переселение крестьян из России в Казахстан, опасаясь, с одной стороны, недовольства казахов, а с другой стороны — революционного влияния русских крестьян на казахские трудящиеся массы. Но царское правительство оказалось не в состоянии предотвратить рост революционного движения на окраинах. Слишком велико было влияние революционного пролетариата России. Ленин в «Докладе о революции 1905 года» указывал, что «в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»².

Процесс сближения русского и казахского народов привёл их к совместной борьбе против самодержавия, национального гнёта и капиталистической эксплуатации.

Широкие трудящиеся массы казахского населения приобщались к политической революционной борьбе. Влияние революционной социал-демократии и русского рабочего движения на трудящихся Казахстана шло через социал-демократические организации Поволжья и Сибири, в особенности городов Самары, Оренбурга, Саратова, Уфы, Омска. В Казахстан всё чаще проникали марксистская литература и прокламации, что дало толчок возникновению местных социал-демократических организаций. Ссылно-политические рабочие и интелли-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 198.

² В. И. Ленин, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 354.

генция организовали социал-демократические подпольные организации в Петропавловске, Кустанае, Уральске и других городах. Социал-демократические организации распространяли среди населения Казахстана ленинские брошюры и большевистские листовки. Через русских большевиков казахский народ знакомился с революционными освободительными идеями ленинско-сталинской партии.

В Казахстане начали свою революционную деятельность соратники Ленина и Сталина — Михаил Васильевич Фрунзе и Валериан Владимирович Куйбышев. Фрунзе начал свою революционную деятельность в 1904 г. в городе Верном (Алма-Ата). Куйбышев, родом из Омска, ещё юношей вёл там, а также в Петропавловске и в Кокчетаве большую организаторскую и пропагандистскую работу. В Томске революционную работу вёл С. М. Киров.

Первый социал-демократический кружок возник в Уральске в 1902 г. среди рабочих и служащих типографии газеты «Уралец». Организатором этого социал-демократического кружка был рабочий С. Т. Алексеев, приехавший из Оренбурга. В этом кружке наиболее активными были Сенькин, Коканов и Алексеев, которые вели работу среди рабочих типографии. Редактор газеты Морозов и его помощник студент Алексеев снабжали кружок нелегальной литературой и сами принимали активное участие в работе кружка. 1 мая 1903 г. рабочие типографии «Уралец» впервые провели однодневную забастовку (руководители забастовки — Алексеев и Коканов были уволены). Кроме рабочего кружка при типографии в Уральске существовал социал-демократический кружок из интеллигенции, которым руководил известный экономист профессор Огановский. Члены этого кружка вели работу среди железнодорожных рабочих, рабочих мельниц, среди учащихся средних учебных заведений, читали лекции на общеобразовательные и политические темы.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1905—1907 гг.

Во всех городах Казахстана в 1905 г. проходили митинги и собрания, манифестации и демонстрации. Они начались вскоре после событий 9 января 1905 г. в Петербурге. Летом 1905 г. политические забастовки и демонстрации происходили в больших размерах в Перовске, Омске, Уральске и особенно в Ташкенте. На этих демонстрациях распространялись большевистские прокламации «Долой Булыгинскую Думу» и другие.

По всему Казахстану развёртывалось национально-освободительное движение казахских масс.

Казахская буржуазно-националистическая интеллигенция и обуржуазившееся байство пытались возглавить и руководить национально-освободительным движением казахов.

В национально-освободительном движении казахского народа в революции 1905—1907 гг. ясно обозначались два различных по своему социальному характеру направления. Первое — революционно-демократическое, возглавляемое близко стоявшей к народу демократической интеллигенцией из среды учителей-мугалимов, мелких служащих и наиболее передовых рабочих и крестьян. Второе направление — буржуазно-националистическое, представляемое буржуазией, байством и выходцами из среды феодальной казахской знати. Это направление возглавлялось «просвещёнными» молодыми казахами: Букейхановым, Каратаевым, Сейдалиным, Танышпаевым и др.

Если революционно-демократическое направление отражало интересы трудовых масс казахского населения, то буржуазно-националистическое направление отражало интересы казахской феодальной знати, байства и буржуазии. Казахские буржуазные националисты стремились использовать национально-освободительное движение казахских масс против русского военно-феодального империализма в своих классовых целях, в целях укрепления позиций казахских феодалов и буржуазии. Прикрываясь либерализмом, казахские буржуазные националисты выдвигали умеренные требования реформы управления казахской степью, прекращения переселений русских крестьян в казахскую степь, реформ в области школы и религии. Дальше этих требований они не шли.

В самом лагере буржуазных националистов существовало два идеологических течения: западническое и исламистское, или тюркофильское.

Первое возглавлялось А. Букейхановым, второе — Б. Каратаевым. «Западники» стояли за руссификацию казахской культуры. Они считали возможным при содействии русской буржуазии добиться некоторых реформ для казахской знати и байства и полагали, что дальнейшее культурное и экономическое развитие Казахстана возможно только в связи с экономикой России, в сотрудничестве с русской буржуазией.

«Западники» требовали отмены 119-й статьи Степного положения и признания всех земель Казахстана «общей» собственностью казахского народа; они стояли за сохранение общинного землевладения, за сохранение в целостности казахской патриархальной общины. Это течение отражало интересы казахской кочевой феодальной аристократии, приближавшейся к русской культуре, но стремившейся вернуть себе неограни-

ченные права на казахские земли и власть над казахским народом.

Исламисты во главе с Каратаевым отражали интересы казахских феодалов и обуржуазившегося байства оседлых земледельческих районов севера Казахстана. Они стояли за отмену переселений в Казахстан, за наделение землёй казахоземледельцев по нормам, принятым для крестьян-переселенцев. Они ратовали за введение шариата и за сохранение казахской культуры, за ограждение её от влияния русской культуры, за введение казахских школ и признание независимости и самостоятельности мусульманского духовного управления. Но и те и другие сходились на требования прекращения переселений в казахскую степь, и те и другие стремились подчинить себе освободительное движение казахского народа в интересах укрепления позиций казахских феодалов и мулл.

Казахские, узбекские и особенно татарские буржуазные националисты вели довольно широкую пропаганду панисламизма и пантюркизма в Средней Азии и Казахстане. Центрами пропаганды панисламизма и пантюркизма были мусульманские школы. Казахские мугалимы и муллы из татар были яркими сторонниками и пропагандистами пантюркизма и панисламизма.

Проникновение идей пантюркизма и панисламизма в казахскую степь относится к концу XIX в. В Петербурге ещё до революции 1905—1907 гг. существовали два мусульманских общества — «Мусульманское» и «Востоковедения», откуда и началась пропаганда панисламизма и пантюркизма.

Казахский султан Валихан состоял членом этих обществ. Через него и дворянина Гибнера и распространялись идеи пантюркизма в Казахстане. В 1902 г. акмолинский генерал-губернатор, сообщая о деятельности султана Валихана и Гибнера, писал: «Оба эти лица имеют большое влияние на мусульманское население области».

Турецкое правительство засылало в Среднюю Азию и в Казахстан большое количество своих агентов с целью пропаганды среди мусульман и организации их на борьбу за объединение всех мусульман против России. Лидер партии «Иттифак» Абдрашит Ибрагимов и известный националист Крыма Исмаил Гаспринский выезжали в Казахстан и в Ташкент для проведения работы среди казахских, узбекских и татарских националистов. Ибрагимов провёл совещания с казахскими и татарскими националистами в Оренбурге, Петропавловске, Омске и других городах. В результате этих поездок Ибрагимова и Гаспринского в Казахстан и в Среднюю Азию были созданы ячейки партии «Иттифак» в Оренбурге, Петро-

павловске, Семипалатинске, Омске, Уральске, Верном, Асхабаде, Ташкенте и других городах.

Наряду с организацией мусульманских националистических ячеек партии «Иттифак» в Казахстане в 1905 г. была создана казахская кадетская партия, лидером которой был Букейханов, а видными членами — Каратаев, Танышпаев, Сейдалин. Казахская кадетская партия была филиалом русской кадетской партии.

Казахские буржуазные националисты были проповедниками панисламизма, являвшегося политической идеологией феодальных элементов. Они были панегиристами нравов турецких башибузуков и степных аткаменеров — знатных феодалов. Казахские буржуазные националисты были противниками революционных методов борьбы. Они боялись своего народа и боролись всеми средствами против него, сдерживали революционные стремления казахских трудящихся. Вся деятельность казахских буржуазных националистов свелась к составлению петиций царскому правительству и сбору под ними подписей.

В противоположность казахским буржуазным националистам казахская демократическая интеллигенция в лице учителя-мугалима Сералина Мухамеджана, Искандиара Кубеева, Иралина и других звала казахский народ на борьбу против царского правительства и его колонизаторской политики, на борьбу против своих классовых врагов — казахских феодалов. Они будили классовое самосознание и чувства национального достоинства казахского народа, боролись за распространение просвещения и знаний в народе на близком и понятном ему диалекте, требовали политических свобод для народа, раскрепощения женщин, пропагандировали необходимость перехода к оседлому образу жизни и земледелию. Казахские демократы выступали против идеализации феодальной интеллигенцией «прелестей» кочевого образа жизни и патриархальщины, отстаивали требования трудящихся о необходимости отвода земель для казахов, уравнивания казахов в правах с русским населением. Им была чужда и ненавистна мысль об обособлении Казахстана от России и от русского народа. Они требовали запрещения баранты как метода родовой мести, отмены калыма и других родовых пережитков, используемых казахскими феодалами в целях наживы и эксплуатации.

В лице казахской демократической интеллигенции, а также народных акынов казахский народ видел своих идейных вождей в борьбе против русского самодержавия и против своих классовых врагов — феодалов и байско-феодалов суда.

Но эта демократическая прогрессивная интеллигенция была немногочисленной и слабой, она выступала неорганизованно и почти не имела организационной связи с революционными большевистскими организациями Казахстана. А без руководящей и организующей роли российского пролетариата и его революционной партии не могло быть и речи о самостоятельной национально-освободительной борьбе казахского народа.

Наиболее видные казахские буржуазные националисты Букейханов, Каратаев, Танышпаев, Сейдалин, Дулатов, Байтурсунов и другие вели националистическую антирусскую агитацию среди казахского населения.

Дулатов в своём произведении «Ойян, казах» («Проснись, казах») натравливал казахов на русских переселенцев под лозунгом «Казахстан для казахов. Вон русских из Казахстана».

Казахские буржуазные националисты принимали участие в съездах мусульманского союза в 1905—1906 гг., организаторами которого были представители татарской торговой буржуазии.

Мусульманская, в особенности татарская, буржуазия была настроена оппозиционно против царского правительства, которое ограничивало торговую деятельность татарской буржуазии в Казахстане и Средней Азии. Царское правительство запрещало мусульманским торговцам приобретать недвижимую собственность и всячески старалось вытеснить мусульманскую буржуазию с среднеазиатских рынков.

Татарская торговая буржуазия в Казахстане была очень влиятельной. Она разбогатела на меновой торговле с казахами. В Казахстане существовали крупные торговые татарские фирмы. Татарская торговая буржуазия была тесно связана с казахскими баями и буржуазными казахскими националистами, интеллигентами, вышедшими из байской среды.

В буржуазном националистическом мусульманском реформистском движении большую роль играло мусульманское духовенство — муллы, ишаны.

Казахские националисты, пользовавшиеся большим влиянием среди байства и родовой аристократии, летом 1901 г. проводили кампанию за посылку делегации к царю. С этой целью был начат сбор средств среди населения.

Составив в узком кругу петицию, они стали собирать подписи. Основная масса подписей была собрана ими среди богатых скотовладельцев и купцов, собравшихся со всего Казахстана на Куяндинскую ярмарку в Семипалатинской области. В этой петиции говорилось: «В настоящее время, когда вся Россия заявляет о необходимости полного переустройства своей жизни, киргизские степи, связанные судьбою с Россией,

не могут оставаться безучастными к переживаемым ею событиям и не заявлять о своих нуждах»¹.

В петиции были выставлены требования прекращения переселения крестьян из России в Казахстан, признания земли казахов их собственностью, свободы совести и вероисповедания, организации особого мусульманского духовного управления, постройки школ и мечетей, открытия пансиона для казахских детей при Семипалатинской гимназии, издания газет на казахском языке, введения самоуправления казахов и отмены института урядников и крестьянских начальников, предоставления права казахам избирать своих депутатов в законодательные собрания России и т. п. Для вручения этой петиции была выбрана делегация во главе с Бахиджаном Каратаевым. В состав делегации входили муллы, баи и ишаны. Делегация выехала в Петербург и была принята царём. Но, по совету генерала Жангерханова, делегация не передала царю петиции и не возбудила никаких ходатайств. Принятая царём делегация выразила верноподданнические чувства и поздравила его с годовщиной рождения наследника цесаревича Алексея. Обласканные царём баи и муллы уехали домой, не помышляя ни о каких свободах казахскому народу.

Движение буржуазно-националистической интеллигенции являлось реакционным, так как оно уводило трудящиеся массы казахов от подлинно революционной национально-освободительной борьбы совместно с русским народом, затемняло сознание трудящихся масс казахов, сеяло среди них враждебное отношение к русскому народу. Вопреки националистической антирусской агитации буржуазных националистов казахские рабочие и крестьяне боролись вместе с русскими рабочими и крестьянами-переселенцами против самодержавной власти, против колониального и национального гнёта, за политические свободы для всех народов России и её окраин.

Трудящиеся Казахстана скоро убедились, что от посылки делегации к царю проку мало, что баи и муллы им не помогут. Это поняли прежде всего казахи-рабочие, работавшие рука об руку с русскими рабочими. Рабочие-казахи с большим вниманием прислушивались к тому, о чём говорят русские рабочие. Они скоро поняли, что путь к свободе лежит в совместной с русскими рабочими и крестьянами борьбе против царизма. Казахские рабочие приняли самое активное участие во всероссийской политической забастовке в октябре 1905 г. В результате забастовки железнодорожников движение по Сибирской и Оренбург-Ташкентской железной дороге приостановилось. Перовские рабочие-железнодорожники создали Перовский

¹ ИА КССР, ф. 544, оп. 2, д. 213, л. 37—40.

революционный комитет. Управление железной дорогой фактически перешло в руки рабочих. По городам Казахстана проходили манифестации, митинги, демонстрации.

19 октября 1905 г. рабочие и служащие станции Петропавловск организовали демонстрацию. С красными знамёнами и пением революционных песен они двинулись в город. В Петропавловске к ним присоединились рабочие города. Демонстранты пели революционные песни и выкрикивали революционные лозунги: «Долой царя-узурпатора!», «Поддержим в борьбе наших товарищей в России!», «Да здравствует революция, долой эксплуатацию!» Это была первая рабочая демонстрация. Продолжалась она два дня. Казахские рабочие вместе с русскими рабочими демонстрировали под красными знамёнами с лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!»

Подобные демонстрации проходили в Оренбурге, Уральске, Челкаре, Омске, Кустанае, Верном, Перовске и других городах.

Особенно следует отметить демонстрацию в городе Каркаралинске Семипалатинской губернии, состоявшуюся 15 ноября 1905 г. Эта демонстрация была подготовлена местной социал-демократической организацией. Из аулов и окружных деревень на демонстрацию приехало много казахов верхом на лошадях. Уездный начальник Осовский сам ходатайствовал перед губернатором о том, чтобы собрать жителей города и объявить им манифест царя от 17 октября с целью «разрядить» напряжённую обстановку. К 12 часам дня на городскую площадь собралось несколько тысяч человек русских и казахов. Когда уездный начальник Осовский прочитал собравшимся манифест и намеревался сказать речь, чтобы призвать «к дружной, спокойной и мирной работе», его прервал управляющий сельскохозяиственной школы Белдыцкий. «Не Вы председатель этого митинга, а я, — сказал он, — не Вы будете говорить, а я». Белдыцкий начал свою речь словами: «Жалует царь, да не жалует псарь. Царское слово украдено: от нас целый месяц скрывали манифест. В семипалатинском «Листке» пропущено, что народу даруется свобода совести, собраний, союзов и неприкосновенность личности»¹. После Белдыцкого выступил судебный следователь Михалевич, которого Осовский хотел арестовать. За Михалевичем с небольшой речью выступил священник Геннадий Иванов, он говорил «о всеобщем равенстве». После него с горячей речью выступил казах Якуп Мурза Акпаев, служащий Омской судебной палаты, человек, окончивший Петербургский университет. Он был организатором и руководите-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 001350, л. 16,

лем демократического движения казахов Семипалатинской губернии. Акпаев говорил о бесправном положении казахского народа, о произволе и притеснениях царских чиновников, требовал предоставления казахам свободы и прав наравне с русским народом, он призывал расправиться с царскими сатрапами — крестьянскими начальниками — Мурзаевым и Рогалевичем. Священник Геннадий не понимал казахского языка и не знал, о чём говорил Акпаев, но, когда последний закончил свою речь, он вскочил на лошадь Акпаева и, поместившись сзади него, почти на хвосте лошади, объявил народу, что он присоединяется ко всему только что сказанному Акпаевым. Акпаев перевёл слова священника казахам и тут же повернулся к нему, поцеловал его и... сплюнул. Все засмеялись.

С речами выступили учитель русско-киргизской школы Аяганов и служащий Окружного суда казах Кулембай Тюленгутов. Уездный начальник приказал штаб-ротмистру Гомбинскому разогнать митинг, но Гомбинский отказался выполнить его приказание. Солдаты местной команды, приведённые Гомбинским на митинг, не только отказались подавить «бунт», но даже сами подняли красный флаг, выразив этим сочувствие национально-освободительному движению казахов и свои симпатии революционному движению вообще.

После митинга был отслужен молебен, а затем панихида по погибшим за свободу. По окончании панихиды началось организованное шествие по городу. Вместе с народом шла и местная воинская команда во главе с штаб-ротмистром Гомбинским. Рядовой солдат Кишкин нёс впереди команды красный флаг.

Демонстрация прошла организованно, порядок был образцовый. Когда демонстранты возвращались обратно, то помощник лесничего Глебов ехал впереди колонны верхом на лошади и высоко держал в руках красный флаг. Поровнявшись с домом уездного начальника, демонстранты дружно закричали «ура». Из толпы раздались возгласы: «Долой полицию!»

Никакого вреда уездному начальнику причинено не было. Он сам потом сообщал начальству, что не мог бежать и решил пройти сквозь толпу, останавливая лошадей едущих казахов. «К чести киргизов могу удостоверить, — писал он, — что ни один из них не сделал мне ни малейшего оскорбления»¹.

О демонстрации в Каркаралинске уездный начальник сообщил подробно, назвав её «бунтом» и «беспорядками». «Эти беспорядки, — писал Осовский, — вызванные некоторыми злонамеренными лицами, имеют столь огромное моральное значение для всего вверенного мне Каркаралинского уезда, что я

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 001350, л. 16.

считаю необходимым по долгу службы и присяги доносить о них как *о первом звуке грома приближающейся грозы*. В данное время считаю долгом донести, что степь возбуждена до крайней степени. И если явится среди киргизов лицо вроде Андижанского имама, то резня возможна. Эта резня будет ужаснее Андижанской, о подготовке которой знаю хорошо, так как был очевидцем этого дела»¹.

Царский верный слуга перепугался, он боялся народного восстания, ему хотелось бы учинить межнациональную резню. Но в революционном движении в Казахстане и русские и казахи выступали вместе, заодно. Разжечь межнациональную резню здесь было уже невозможно.

В № 256 газеты «Степной край» была вскоре опубликована статья Алихана Букейханова, в которой разоблачалась ложь о «бунте» в Каркаралинске. В этой статье говорилось: «Так легкомысленно замышляют преступление люди, не знающие киргизский народ, его степь, к сожалению, превращённую в сатрапию... Донесение Осовского о каком-то «бунте» — ложь. Киргизы пока не знают и не чтут великие имена борцов за свободу России, но они узнают и будут знать и обязаны чтить освободителей России, начиная от Пестеля, кончая настоящими узниками Шлиссельбурга». Статья заканчивалась словами: «Не умножайте свои преступления, могильщики приказного строя. Ваши дни сочтены. С Вами мы рассчитаемся... в русском представительном собрании!»

Концовка статьи весьма характерна для представителя казахской буржуазно-националистической интеллигенции, лидером которой и был Букейханов. Они сами боялись народного восстания и мечтали только о предоставлении им мест в представительном собрании.

Царским сатрапам — генерал-губернаторам и уездным начальникам казалось, что всюду, во всей казахской степи, готовится восстание, что власти царских слуг приходит конец. Эти панические настроения слуг царя хорошо отражены в частной переписке между ними. Так, например, заведующий особым отделом канцелярии генерал-губернатора Тургайской области С. Вишнев в своём письме на имя начальника Департамента полиции писал: «В Тургайской области неладно — стремятся вызвать восстание. Говорят, что будто бы в Петербурге готовятся беспорядки — и прежде всего имеют в виду расправиться с нашим братом, — министрами, — говорят, что рассчитывают на войска»².

¹ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 001350, л. 18 (курсив мой. — А. Я).

² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905 г., д. 009, л. 61.

27 ноября 1905 г. уполномоченные от 21 казахской волости Каркаралинского и других уездов Семипалатинской области собрались на ярмарку и составили петицию, в которой говорилось: «Политическая свобода нам, киргизам, и другим объявлена, но она пока для нас только пустой звук — потому, что гнёт власти ещё не снят; действуют попрежнему крестьянские начальники. Чтобы мы могли реально почувствовать наступление времени свободы, должны быть удалены причины нашего гнёта — существующие крестьянские начальники, так как киргизы только с удалением крестьянских начальников могут чувствовать себя гражданами, ничего не проигрывая в сфере управления родной степью»¹. Кроме этого, в петиции были выставлены такие требования: 1. Организация выборного духовенства. 2. Отмена цензуры для духовных книг. 3. Допущение в аульных школах казахской грамоты. 4. Доступ казахов в средние и высшие учебные заведения. 5. Издание газет на казахском языке. 6. Признание земель, занимаемых казахами, их собственностью. Под петицией подписалось 14 500 человек.

В Уральске также была проведена манифестация, организованная ветеринарным врачом Космодамианским (впоследствии член социал-демократической фракции II Государственной думы). Манифестация в Уральске была разогнана по распоряжению губернатора двумя сотнями казаков.

После закрытия высших учебных заведений в Москве в связи с октябрьскими событиями в Уральск прибыло много студентов. С их прибытием усилилась деятельность революционных кружков и массовая политико-просветительная работа среди населения. К этому времени относится распространение по городам Казахстана большого количества социал-демократических листовок и брошюр Маркса, Энгельса, Ленина, Бебеля.

Осенью 1905 г. уральской социал-демократической большевистской организацией было выпущено «Обращение к уральским казакам, командированным в разные города». Воззвание это было зачитано на собраниях уральских казаков нескольких станиц. В этом воззвании говорилось: «Казаки Уральского войска из станиц Трексинской, Кожехаровской, Сломихинской, 1-й и 2-й Уральских, Круглоозеровской и др. собрались в большом числе вместе, решили обратиться к вам со своим словом. Выслушайте нас, земляки, и подумайте хорошенько над нашим советом. Больно и стыдно становится нам, когда мы слушаем о ваших зверствах. Вы опозорили славное звание вольного казака. Вы опозорили славную память своих дедов, восставших с Пугачёвым за свои права и свободу. Из вольных и

¹ «Степной край» от 13 декабря 1905 г.

свободных сынов Урала вы превратились в какую-то дикую, разбойничью орду. Слушайте, что мы вам скажем. И в газетах и во всех собраниях о вас приходится читать и слышать одну только ругань и проклятия. Ругают и проклинают и в городах и в сёлах. Ненавидит вас весь русский народ за то, что вы, как дикие звери, бросаетесь на беззащитную толпу, хлещете нагайкой, колете пикой, рубите шашкой всех, кто попадёт под руку. Вы исполняете данное вам начальством приказание, не думая о том, какой позор навлекаете этими избиениями на славное и вольное когда-то Яицкое войско. Русский народ долго молчал и терпел грабежи и насилия царского правительства, которое вы теперь защищаете».

Воззвание напоминало уральским казакам о притеснениях, чинимых со стороны царского правительства уральскому казачеству, о лишении его всех прежних казачьих вольностей и прав на казачье самоуправление, на рыбную ловлю, напоминало карательные меры царского правительства, лишившего всяких прежних вольностей две тысячи семей уральских казаков, не пожелавших в 1874 г. принять новое Положение о воинской повинности.

«И вот это царское правительство, — говорится далее в воззвании, — грабящее и притесняющее вас, вы теперь защищаете. Пользуясь вашей темнотой, оно посылает вас избивать требующих свободу граждан. Опомнитесь, братцы! Подумайте, какое подлое дело заставляют вас делать ваши командиры. Ведь вы избиваете людей, решивших добиться справедливых порядков в жизни, таких порядков, что все министры и чиновники давали бы народу отчёт о своих действиях, а это будет возможно только тогда, когда законы будут издавать выборные люди от всей русской земли. В числе их будут и ваши выборные, которые станут по-настоящему заботиться о нуждах и выгодах войска. Вот к чему стремится русский народ, и вот за что вы его избиваете оружием. Говорили ли вам ваши командиры, что на Урале казаки тоже волнуются за свободу? Не забывайте же, что правительство не задумается признать в этом бунт и пошлёт в ваши родные станицы солдат с ружьями и штыками. Подумайте же, какой позор вы навлекаете на имя всего казачества. Если вы не откажетесь от подлой полицейской службы, вас проклянут и дети ваши, и внуки, и родной Яик, и весь русский народ. Смело откажитесь быть палачами и идите в свои станицы, где теперь голодают от неурожая ваши старики и дети. Если вы откажетесь избивать и станете на сторону народа, то за это русский народ забудет обиду, которую вы ему нанесли, и покроет вас славой. Опомнитесь, пока не поздно. Народ добьётся свободы и народного правления, и

тогда вам и вашим детям придётся дорого расплачиваться за ваши теперешние зверства»¹.

Революционные события в России в 1905—1907 гг. вызвали к активной политической жизни угнетённые народы окраин. Революция в России вселяла в народы окраин уверенность в возможность национального освобождения от колониального и полуколониального гнёта.

Предстоящий созыв представительной Думы вызвал огромный интерес среди угнетённых национальностей. Интерес к выборам в Думу среди казахского населения возник ещё до издания закона о выборах в Виттевскую думу.

По избирательному закону в Булыгинскую думу мусульмане и все угнетённые народности Российской империи не допускались к выборам в Думу. Недовольство и возмущение этим куцым избирательным законом были огромны. Проект Булыгина вызвал протесты среди всех народностей России.

30 июля 1905 г. из Павлодара на имя царя казахскими буржуазными националистами-интеллигентами Нороконовым, Нурджаковым, Жангозиным, Медиаровым, именовавшими себя представителями казахского народа, была послана телеграмма. В этой телеграмме было сказано: «По проекту министра внутренних дел Булыгина в Думе, как носится слух, не будет представителей киргизского народа, неспособного будто бы как бродячий и дикий народ к исполнению тяжёлой функции в выработке законов в обновлённой России. Государь, нам хочется верить, что в глазах его Императорского величества все подданные ваши должны быть равны. Нам думается, что составители проекта совершенно незнакомы с киргизским народом, сравнивая его с народом бродячим и диким. Наоборот... представители его докажут свою политическую подготовленность и в то же время любовь и привязанность к своему народу и человечеству с полным пониманием возложенной на них ответственности».

Далее в телеграмме требовалось, чтобы казахскому народу было предоставлено право послать «нескольких представителей для надлежащего уяснения и освещения нужд киргизского народа в законодательной Думе».

Против предоставления избирательных прав казахскому народу и другим народам Средней Азии выступили верные сторожевые псы царя — генерал-губернаторы. Они просили царя ни в коем случае не уравнивать «иностранцев» с русскими в правах, мотивируя это не только отсталостью казахов, киргизов, узбеков, уйгур и дунган, но и тем, что «они не несут

¹ ИА КССР, ф. 83, д. 14, л. 12—15.

воинской повинности» и что якобы демократическая интеллигенция казахского народа — это «явные и тайные враги России и коренного русского населения и даже — природы русской и государственных интересов России».

Осенью 1905 г. по всем областям Казахстана прокатилась новая волна национально-освободительного революционного движения среди казахов, новая волна забастовок на предприятиях и в городах.

Забастовочное движение на предприятиях Казахстана развёртывалось под знаком политических требований. Русские и казахские рабочие выступали совместно, подписываясь под общеполитическими требованиями, создавая совместные организации борьбы за политическое и экономическое освобождение рабочих всех национальностей.

На Успенских рудниках рабочие создали Киргизско-русский союз, во главе этого союза стояли техник-смотритель Успенского рудника Топорнин, штейгер Засыпкин, служащий Невзоров и заводской староста казах Алимжан Байчигиров. Забастовка происходила с 7 по 12 декабря 1905 г. Она была организована и проведена Киргизско-русским союзом. На митинге рабочих Успенского рудника Топорнин произнёс речь, в которой он сказал: «Товарищи! Подлинный наш враг — капиталисты, только в единодушной борьбе с ними мы добьёмся улучшения своих политических и экономических прав. Присоединим свой голос к борющимся пролетариям России. Не отступим ни на шаг от своих законных прав. Объявим всеобщую забастовку солидарности! Кто за?»

Все присутствующие подняли руки. Забастовка на руднике началась. Топорнин как руководитель забастовки проявил большую активность в руководстве забастовкой. Он выдал рабочим новые расчётные книжки с обозначением новых условий труда и оплаты. Для рабочих и служащих 11 декабря был открыт магазин. В петиции, принятой на собрании рабочих, были выставлены наряду с экономическими требованиями и политические требования. В петиции говорилось:

«Мы, рабочие и служащие Успенского рудника горнопромышленника К. Э. Карно — французского гражданина, сплотившись между собою для борьбы с капитализмом, на общем собрании пришли к тому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены, ввиду чего мы постановили требовать:

1. Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем незаконными.

2. Повышения заработной платы месячным, подённым и подрядным: получающим до 50 руб. в месяц — на 25 процентов, а свыше 50 руб. — на 15 процентов.

3. Снабжения непромокаемую одеждою и обувью рабочих.

4. Устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с тремя отделениями.

5. Немедленного улучшения помещений казарм для киргиз-рабочих.

6. Уволить служащих медного рудника — фельдшера Костенко, конторщика Ивченко, как несогласных с нашими требованиями.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку»¹.

Петиция была подписана как русскими, так и казахскими рабочими. Забастовка рабочих закончилась победой, все требования рабочих были удовлетворены. Директор завода француз Фелль при содействии волостного правителя Нельдинской волости после ареста Топорнина пытался внести разлад и вражду среди рабочих-казахов и русских. С этой целью было объявлено, что товары из магазина будут получать только русские, а казахам выдавать не будут. Возмущённые казахи-рабочие подступили к конторе и потребовали объяснений по этому вопросу. Фелль вынужден был приказать выдавать товары и казахам, кроме того, выдал рабочим-казахам «в подарок» по 5 руб. деньгами. Но расколоть рабочих, посеять рознь между казахами и русскими ему не удалось. Когда началось следствие о забастовке, то казахи отказались давать показания. Помощник урядника Акмолинского уезда Кузнецов в своём донесении начальству писал: «От рабочих-киргиз нельзя добиться ничего ясного и правдивого»².

Борьба русских и казахских рабочих в период первой русской революции по своему объективно-историческому значению была борьбой не только за раскрепощение труда от эксплуатации и национального гнёта «вообще», но и борьбой за экономическую независимость России, борьбой против эксплуататоров-иноземцев, которым продавали богатства России и её окраин высокопоставленные чиновники и спекулянты во главе с царём. Совершенно не случайно иностранных хозяев и их слуг в лице директоров и управляющих поддерживали царские чиновники от генерал-губернатора до урядника. Союзу русских и казахских рабочих противостоял блок иностранных капиталистов и царских чиновников, русской и казахской буржуазии.

¹ ИА КССР, ф. 544, оп. 2, д. 209, л. 1—2.

² ИА КССР, ф. 14, д. 185, л. 42—43.

Рост забастовочного и революционного движения в Казахстане вызвал тревогу у царских чиновников. Они поняли, какое большое влияние оказывало революционное движение России на окраины. Генерал-губернаторы Казахстана указывали царскому правительству на то, что рост революционного движения здесь связан с деятельностью русских революционеров. Так, например, военный губернатор Сыр-Дарьинской области писал: «Распространяющаяся деятельность революционных партий проникла в настоящее время и в Киргизскую степь. Полученные сведения указывают, что пропаганда агитаторов среди киргизского населения Тургайской, Оренбургской и Акмолинской областей производит некоторое волнение умов тёмного и невежественного населения, не умеющего разобраться в правдивости, в основательности высказываемых агитаторами положений. *Революционные листки* с статьями зажигательного свойства стали появляться уже и среди татарского населения северной части Сыр-Дарьинской области. Пропагандируемые в этих листках идеи могут быть занесены к киргизам, вызвав среди них нежелательные явления»¹.

Царское правительство было очень обеспокоено ростом революционного движения в Казахстане. Председатель Кабинета министров граф Витте в шифрованной телеграмме туркестанскому генерал-губернатору от 15 декабря 1905 г. советовал ввести военное положение в крае. «Я вам советую, — писал Витте, — ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание»².

Тургайская и Семиреченская области были объявлены на положении усиленной военной охраны. Начались обыски и аресты среди рабочих, служащих и интеллигенции. Многие были брошены в тюрьму или высланы. Несмотря на репрессии, большевики в Казахстане продолжали вести неустанную работу.

Революционная деятельность большевиков проводилась почти во всех городах Казахстана. Большевики распространяли воззвания и листовки среди русских рабочих, русских крестьян-переселенцев и среди казахского населения.

Огромную роль в формировании социал-демократических организаций и в деле руководства революционным движением в северных областях Казахстана сыграли Омский объединённый комитет и Сибирский союз РСДРП. Сибирский союз объединял социал-демократические группы Томска, Иркутска,

¹ ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 324, л. 16.

² ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 329, л. 27.

Омска, Красноярска, Петропавловска, Кокчетава, иланскую и тайгинскую. Сибирский союз возник по инициативе томской социал-демократической организации, в которой работал С. М. Киров. Сибирский союз стоял на ленинских — большевистских — позициях. В. В. Куйбышев (носивший кличку «Касаткин»), состоявший членом Омского комитета, оказывал петропавловской организации огромную помощь. Он часто уезжал в Петропавловск и Кокчетав и здесь, встречаясь с руководителями петропавловской организации — Федулиным, Васильевым, Казачковым, Фигиным, Хусаином Суташевым, Абубанировым, — совещался с ними, давал им указания и советы, помогал в укреплении организации, в создании подпольной типографии. Куйбышев часто выступал перед рабочими депо станции Петропавловск, проводил занятия с кружками, вёл работу с солдатами Петропавловского гарнизона и города Кокчетава. Он был автором многих листовок и прокламаций, выпускаемых петропавловской социал-демократической организацией и Омским комитетом.

В. В. Куйбышев был организатором и кокчетавской социал-демократической группы; здесь Куйбышевым была организована подпольная типография. Куйбышева знали рабочие не только Кокчетава и Петропавловска, но и Омска, Кургана, Барабинска, куда он выезжал по поручению Омского комитета.

Социал-демократическая организация Уральска, в которой преобладали большевики, вела большую работу среди уральских рабочих и служащих города Уральска и его пригородных предприятий, среди уральского казачества и среди крестьян.

Уральская социал-демократическая организация развернула большую работу в 1905 г., когда ею руководила социал-демократка Шилова. 1 мая 1905 г. рабочие типографии «Уралец» провели маёвку. Всеобщая октябрьская стачка в России также нашла живейший отклик среди рабочих Уральской железной дороги и среди рабочих других предприятий города. Рабочие Уральска провели забастовки под руководством стачечных комитетов.

Уральская социал-демократическая организация была связана с московской и саратовской организациями. В Уральске были организованы профсоюзы железнодорожных рабочих, рабочих мельниц и типографских рабочих. Профсоюзами руководили Смуров — впоследствии один из командиров Чапаевской дивизии и Покотилов — будущий председатель горсовета Уральска.

В самый разгар вооружённого восстания в Москве 11 (24) декабря 1905 г. был издан новый избирательный закон о выборах в I Государственную думу. По избирательному закону от 11 декабря избирательные права получали и казахи и все

угнетённые нерусские народности России. Однако их избирательные права были далеко не равными с избирательными правами русского населения.

Выборы от нерусских народностей были обставлены всякого рода стеснениями и ограничениями. Так, например, человек, не владеющий русским языком, не мог быть избран депутатом в Думу.

Несмотря на то, что мусульманское население России насчитывало 30 млн. человек, что составляло более $\frac{1}{5}$ всего населения Российской империи, число депутатов от них в Думе было ничтожным — всего 14 человек, т. е. 3,1 % всего состава Государственной думы. Казахов насчитывалось тогда 4 800 тыс. человек, а представляли их в I Государственной думе всего четыре депутата.

Большевистские организации Казахстана бойкотировали выборы в I Государственную думу. Они использовали избирательную кампанию для революционной пропаганды по разоблачению царского правительства и кадетской партии.

В состав I Государственной думы от казахского населения прошли: агроном Букейханов, кадет; мировой судья — бай Беремжанов, кадет; мулла Кулманов, беспартийный; бай-управитель Кальменев, кадет. Все эти депутаты входили в состав мусульманской фракции Думы.

От русского населения Казахстана депутатами в I Думу было избрано несколько кадетов, меньшевиков и эсеров или примыкавших к ним беспартийных.

Какую позицию занимали казахские депутаты в I Государственной думе? Как защищали они интересы казахского народа с трибуны Думы?

Ещё готовясь к выборам в I Государственную думу, казахские буржуазные националисты приняли кадетскую аграрную программу. А эта программа, конечно, не могла отвечать интересам казахского народа. При переводе программы на казахский язык был записан такой пункт: «В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на праве вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью и о переселении на них русских мужиков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргизов русские не должны отбирать землю ни во временное пользование, ни на вечность». Эти требования казахских кадетов шли вразрез с программой широкой колонизации, которую выдвигали русские кадеты, хотевшие «решить» аграрный вопрос в России за счёт усиленной колонизации её окраин.

Против «программы» казахских буржуазных либералов с прямой руганью выступил член ЦК кадетской партии Кауфман, знаток степной колонизации. Он назвал эти дополнения «подделкой программы». Казахские националисты не осмелились отстаивать эти требования ни перед ЦК кадетской партии, ни в стенах Государственной думы. Голоса казахских депутатов в I Государственной думе не было слышно в защиту интересов казахского народа. Лидер казахских националистов Букейханов за всё время деятельности I Государственной думы ни разу не взошёл на трибуну и не произнёс ни одной речи. Он ходил на задних лапках перед русскими кадетами и глядел им в рот. Не выступали и другие казахские депутаты. Букейханов вместе со своими коллегами по Думе охотно подписывал всякого рода заявления, запросы и законопроекты кадетской партии, но в защиту интересов казахского народа не выступал.

Царское правительство в ответ на требования русских крестьян заявило, что удовлетворение земельной нужды крестьянства России можно осуществить лишь за счёт «свободных» земель на окраинах России. «Громадные пространства пригодной для обработки земли, — говорил Горемыкин, — ныне пустуют в азиатских владениях Империи. Развитие переселенческого дела составит ввиду этого одну из первейших забот Совета министров».

В защиту интересов казахского народа решительно и неоднократно выступал депутат от Оренбургской губернии трудовик Тимофей Седельников¹. Он говорил, что нельзя решить аграрный вопрос в России за счёт переселений крестьян на окраины, что казахи сами нуждаются в земле, поэтому необходимо прекратить переселения крестьян в Казахстан и заняться землеустройством казахского населения и русских переселенцев, уже живущих в Казахстане. Седельников произносил на казахском языке целые фразы и тут же переводил их. Это были первые слова на казахском языке, произнесённые с трибуны Государственной думы.

Седельников, как и все трудовики, наивно полагал тогда, будто бы решение аграрного вопроса возможно законодательным путём через «полновластную» Думу. Седельников говорил: «Взявши в свои руки власть и распорядок в государстве, ныне сам угнетённый и бесправный русский народ может смело сказать киргизам, как и всем другим иноплеменникам в России: «пока мне было плохо, было плохо и вам; но теперь, когда я стал свободен, и вы все будете свободны и всем вам будет хорошо». Мы знаем, что русский народ не националист, и

¹ Впоследствии Седельников вступил в ряды большевистской партии и работал на ответственной работе в советских органах.

потому твёрдо верим, что надежды киргизов на его справедливость и беспристрастие в деле решения степного земельного вопроса не будут обмануты»¹. В этих словах Седельникова выражена глубокая вера в благородные качества русского народа, способного защитить кровные интересы всех угнетённых народов России. Но только советская власть могла решить и решила по-настоящему, действительно справедливо самый жгучий, самый насущный для крестьян — аграрный вопрос.

I Государственная дума была признана царским правительством слишком революционной и непослушной, и 8 июля 1906 г. по указу царя она была распущена. Роспуск I Государственной думы вызвал глубокое возмущение в народе. Оживилось забастовочное движение по всей стране, усилилось революционное движение и на всех окраинах России.

Между социал-демократическими большевистскими организациями была налажена регулярная связь. Весной 1906 г. в Петропавловск приехал В. В. Куйбышев. Он организовал маёвку петропавловских рабочих у озера Пёстрое. Вслед за маёвкой была устроена встреча рабочих с революционерами, сосланными в Казахстан. Куйбышев организовал и провёл забастовку петропавловских рабочих. Большевистская организация Петропавловска работала под руководством Куйбышева. Она выпускала большевистские листовки, распространяла нелегальную литературу, вела борьбу против меньшевиков и эсеров, организовала боевую дружину. В Кустанае также работала большевистская организация под руководством большевика Голованова.

На выборах во II Государственную думу большевики Казахстана, не входя в блок с другими партиями, выставили своих кандидатов в депутаты. Большевистские кандидаты в выборщики прошли в ряде городов. Депутатами в Государственную думу прошли большевики от избирателей областей Акмолинской, Уральской, Тургайской, Семипалатинской, т. е. от наиболее крупных областей с значительным числом русского населения. О росте влияния большевиков говорят и доношения охранки и губернаторов Казахстана. В сообщении акмолинского генерал-губернатора на имя министра внутренних дел указывалось, например, что на предвыборных собраниях под флагом беспартийной прогрессивной части населения выступал блок кадетов и эсеров, выставивший по два кандидата, но ни один из этих кандидатов не был избран в выборщики. Акмолинский генерал-губернатор писал: «Серьёзным противником этому блоку была социал-демократическая пар-

¹ Т. Седельников, *Борьба за землю в киргизской степи*, Спб. 1907, стр. 79.

тия, не пожелавшая вступить с ним в соглашение и самостоятельно выставившая своих кандидатов, агитируя за них конспиративно»¹.

Все четыре выборщика прошли от социал-демократической партии. Из них два рабочих-железнодорожника, врач и конторщик. В Уральске все 15 выборщиков прошли от социал-демократической партии. По Гурьеву — три выборщика от социал-демократической партии.

В результате выборов депутатами во II Государственную думу от Казахстана прошли: от Акмолинской области Виноградов А. К., военный врач, член социал-демократической партии (большевик); от Уральской области Космодамианский И. И., ветеринарный врач, член социал-демократической партии (большевик); от Тургайской области Голованов И. Ф., агроном из крестьян, член социал-демократической партии (большевик); от Семипалатинской области Коншин Н. Я., адвокат, член социал-демократической партии (меньшевик — организатор группы сибирских автономистов в Государственной думе); от уральского казачества Ерёмин Ф. А., сельский врач, кадет; от сибирского казачества Акмолинской области Лаптев И. П., инспектор страхового общества «Надежда», член партии демократических реформ; от казахского населения Акмолинской области Кошугулов Ш., мулла, беспартийный; от казахов Семипалатинской области Нороконева Т. Т., народный судья, беспартийный; от казахов Уральской области Каратаев Б. Б., султан, адвокат, член кадетской партии; от казахов Тургайской области Беремжанов А. К., титулярный советник, судебный следователь, член кадетской партии; от русского населения Семиреченской области Гаврилов М. А., владелец табачной фабрики и мельницы в городе Верном, трудовик; от Семиреченского казачьего войска Ерошкин Я. И., фельдшер, беспартийный; от казахского населения Семиреченской области Танышпаев М. Т., инженер, член кадетской партии.

Из этого списка видно, что русское крестьянское и городское население Казахстана послало депутатами в Государственную думу трёх членов большевистской партии, одного меньшевика и одного трудовика; русское казачество послало одного кадета, одного члена партии демократических реформ и одного беспартийного. От казахского населения прошли депутатами в Государственную думу три кадета и два беспартийных. Выборы депутатов во II Государственную думу ярко показывают революционное настроение русского населения Казахстана, его симпатии к большевистской партии; казачество отдало

¹ ЦГИАМ, ф. Особого делопроизводства на выборах в Государственную думу, д. 69, л. 25.

свои голоса либералам. Слабость казахской демократической интеллигенции, огромное влияние байства и живучесть родовых традиций в казахском обществе — всё это дало возможность казахским буржуазным националистам провести на выборах в Государственную думу своих депутатов: кадетов-националистов и близко стоявших к ним беспартийных — муллу и народного судью — бия.

Перед отъездом социал-демократических депутатов в Петербург большевистские организации Казахстана устроили митинги избирателей, на которых зачитывались указы депутатам Государственной думы от населения.

Депутаты-большевики пользовались большой любовью и уважением среди населения Казахстана. Хорошо зная условия жизни русских крестьян-переселенцев и угнетённое положение казахских трудящихся масс, эксплуатируемых казахскими баями, русскими кулаками-колонизаторами и царскими чиновниками, большевики боролись за уничтожение национального и колониального гнёта, за объединение революционных сил русских рабочих и крестьян с казахскими трудящимися массами.

Архивные документы царских чиновников в Казахстане рассказывают подробно о деятельности большевика Голованова. Голованов Иван Фёдорович работал заведующим складом земледельческих орудий переселенческого управления в Кустанае.

Кустанайский уездный начальник, характеризуя Голованова, говорил, что он, Голованов, относится к числу тех чиновников переселенческого управления, которым нельзя доверять никоим образом.

Голованов создал в Кустанае крепкую партийную организацию, которая вела большую работу среди трудящихся и интеллигенции города. Его знали и уважали как русские крестьяне-переселенцы, так и казахи Кустанайского уезда.

Во время проводов Голованова в Петербург кустанайская партийная организация устроила в Народном доме митинг, на который собрались не только жители Кустаная, но и крестьяне-переселенцы и казахи окружных сёл, деревень и аулов. Собралось так много народу, что пришлось проводить митинг на улице. Митинг открыл кустанайский староста Свиридов, сочувствовавший большевикам. Учитель Абрамов огласил «Наказ» члену II Государственной думы Голованову от избирателей. Голованов, приняв «Наказ», произнёс горячую речь. Он сказал: «Граждане! Я получил этот «Наказ», но он составлен от жителей только города Кустаная. Я бы желал иметь такие же указы и от всех волостей уезда, причём первым требованием этих наказов должно быть — упразднение должностей кре-

стьянских и земских начальников — всех этих дармоедов. Эти должности занимаются, за редким исключением, пропившимися и промотавшимися дворянами да выгнанными со службы офицерами». Народ закричал: «Долой, долой их!» «Вторым требованием «Наказа», — продолжал Голованов, — должно быть следующее: «В законе сказано, что всякий переселившийся в Тургайскую область имеет право на получение из казны 165 рублей и 200 корней дерёв на постройку. Получили ли вы это?» Народ дружно ответил: «Нет, не дали!» Голованов продолжал: «Я говорил с переселенческими чиновниками — почему вам не дают леса. Мне сказали, что здесь леса нет; а устраивать казённые лесные склады и продавать лес крестьянам втридорога — лес есть? Если издали закон, так его надо исполнять или же лучше его не писать!» Раздались возгласы: «Верно! Верно! Так!»¹

После митинга весь народ пошёл провожать Голованова за город до Кустанайского тракта. Проводы превратились в грандиозную демонстрацию. Демонстранты, построившись рядами, направились по улицам города, а затем и за город с пением революционных песен. Впереди демонстрантов шли учащиеся и учителя кустанайских школ. Демонстранты несли красные знамёна с революционными лозунгами. Полиция требовала убрать знамёна и прекратить пение революционных песен, но демонстранты не обращали внимания на эти требования. Напротив, демонстранты изредка останавливались, чтобы послушать речь очередного оратора, которого поднимали на руках над толпой.

Проводив Голованова, демонстранты так же организованно вернулись в город.

Кустанайский уездный начальник Кочергин в телеграмме на имя тургайского генерал-губернатора в тот же день писал: «Сегодня тысячная толпа во главе с учителями с участием школьников провожала Голованова за город с красными флагами и революционными песнями. Возвратившись, по требованию полиции разошлись». Кочергин в этой же телеграмме пришёл к такому заключению: «Чернь народная под влиянием соц.-демократов теперь более чем когда-либо смело высказывает своё суждение, признавая для себя более удобным иметь власть из своей среды, самим народом выбранную. Вообще того уважения к правительственной власти, которое имело место здесь ранее вплоть до созыва первой Государственной думы, теперь не осталось и следа»².

Пожелание Голованова, чтобы наказания были составлены и от крестьян Кустанайского уезда, было выполнено. Крестьяне

¹ ИА КССР, ф. 25/28, д. 4, л. 2—3.

² Там же, л. 2—3, 12.

Кустанайского уезда составили и обсудили наказания, в которых рассказывали, в каком тяжёлом положении они находились, и отправили их в Петербург Голованову.

Большевики — члены Думы — использовали наказания в своих выступлениях на заседаниях Думы и в заседаниях Переселенческой комиссии Думы.

В этот период социал-демократы — большевики развернули в городах Казахстана и аулах большую агитационную и пропагандистскую работу. Среди населения в большом количестве распространялась нелегальная литература.

Весной 1906 г. в Уральск приехал Иван Мавринский — профессионал-революционер под кличкой «Николай Чёрный». Он был социал-демократом большевиком и фактическим руководителем уральской социал-демократической организации.

В августе 1906 г. в Уральск вернулся член I Государственной думы трудовик Недоносков. 23 августа в городском театре слушался его доклад о работе I Государственной думы. Доклад произвёл сильное впечатление на присутствующих. Недоносков был встречен овациями, и после собрания была устроена демонстрация. Полиция не решилась разогнать демонстрацию. 30 августа рабочие Уральска снова устроили митинг в Пушкинском доме. Но народу явилось так много, что пришлось перенести собрание на площадь. На митинге снова выступал Недоносков, а также большевик Николай Чёрный (Мавринский) и Шилова. Полиция во главе с атаманом Родзянко потребовала прекращения митинга. Рабочие требовали, чтобы Недоносков продолжал доклад. Тогда полиция силой стала разгонять собравшихся и пыталась арестовать Недоноскова, Чёрного и Шилову. Рабочие воспрепятствовали аресту, и Шилова и Чёрный скрылись. Недоносков всё же был арестован. Социал-демократические организации не прекращали своей деятельности.

Среди населения распространялись листовки и воззвания. Были выпущены листовки «Обращение к населению», «Воззвание к солдатам по поводу разгона царским правительством I Государственной Думы» и много других.

Воззвания и листовки привозились и из других городов России и распространялись среди населения.

* *

◆

Когда весной и летом 1906 г. начались массовые крестьянские волнения в России, царское правительство начало усиленно агитировать русских крестьян переселяться в казахские степи. «Переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться, — писал Ленин, — именно при приближении,

а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»¹.

Царское правительство рассчитывало новым массовым переселением крестьян из России ослабить остроту крестьянской борьбы за землю внутри России. У казахов началось массовое изъятие земель в переселенческий фонд. Возмущённые казахи требовали прекращения изъятия земель. Член Государственной думы Каратаев в своей речи выступил с протестом против изъятия земель у казахов. Он сказал: «В нашем государстве обострившийся аграрный вопрос хотят разрешить переселением крестьян на территорию степных областей, именно: на территорию Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семиреченской областей»².

Каратаев говорил, что правительство обижает казахов, изымая у них землю ради защиты 130 тыс. русских помещиков, что поэтому казахи сочувствуют оппозиционным партиям России, выдвигающим требование принудительного отчуждения помещичьих земель. Каратаев даже ходил к главноуправляющему земледелием и землеустройством и просил его хотя бы временно прекратить переселение русских крестьян в Казахстан. Каратаеву было заявлено, что переселения будут продолжаться, что в Казахстане земли много, но она непроизводительно используется казахами под кочевья. «В XX столетии необходимо прекратить кочевой образ жизни киргизов, — заявил главноуправляющий, — вследствие этого переселение является необходимым».

Речь Каратаева с трибуны Государственной думы шла вразрез со взглядами кадетской партии на переселение. Кадетская партия видела в переселении русских крестьян на окраины решение аграрного вопроса в России. Хотя Каратаев и сам был членом кадетской партии, но он должен был показать, что защищает интересы казахского народа.

Каратаев сказал лишь часть правды: что казахский народ сочувствует русскому революционному движению и солидарен с требованиями русских крестьян о принудительном отчуждении помещичьих земель для удовлетворения земельной нужды крестьян, но Каратаев умолчал о том, что он добивается прекращения переселений для того, чтобы казахские феодалы были безраздельными хозяевами казахских степей.

В. И. Ленин, разбирая выступления «националов» во II Государственной думе, критиковал их, указывая на то, что «националы» не хотят видеть связи решения аграрного

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 74.

² «Государственная дума. Второй созыв», Стенографические отчёты, 1907 г., Сессия вторая, т. II, Спб. 1907, стр. 673—674.

вопроса на окраинах с радикальным, революционным решением аграрного вопроса в самой России. Точку зрения «националов» Ленин назвал «национально-автономистским областничеством».

«Националы» стоят несколько в стороне от *нашего* аграрного вопроса. У многих нерусских народностей нет самостоятельного крестьянского движения в центре революции, как у нас. Поэтому вполне естественно, что в своих программах «националы» часто держатся несколько в стороне от *русского* аграрного вопроса. Наша, дескать, хата с краю, мы сами по себе. Со стороны националистической буржуазии такая точка зрения неизбежна»¹.

В «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин указывал, что разрешение аграрного вопроса в России и на окраинах возможно лишь при условии уничтожения помещичьего землевладения в России, ибо русский крестьянин придавлен крепостническим гнётом, свободное расселение по территории России невозможно, как невозможна и хозяйственная утилизация массы окраинных земель.

Ленин резко критиковал переселенческую политику царского правительства: «Вся переселенческая политика самодержавия насквозь проникнута азиатским вмешательством заско-рузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам, вносившего страшную путаницу в новые земельные отношения, заражавшего ядом крепостнического бюрократизма центральной России окраинную Россию»².

Казахские депутаты — кадеты, муллы и бай — плохо или, лучше сказать, никак не защищали интересы казахского народа в Государственной думе. В защиту интересов казахского народа и всех угнетённых народов России выступали депутаты-большевики.

Депутат Космодамианский выступил с резкой критикой колонизаторской и переселенческой политики царизма. Он сказал, что царское правительство и русские помещики и буржуазия видят в переселении крестьян из России на окраины «панацею от всех зол и бед», один из способов удержать русских крестьян от борьбы против русских помещиков, что царское правительство обманывает русских крестьян, рекламируя переселения и не оказывая им никакой помощи, когда они туда переселяются, что правительство несколько не считается с интересами казахского народа, «не считается с известным экономическим бытом, с психикой кочевников» и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 378.

² Там же, стр. 388—389.

ломает всю жизнь казахов, что эта политика не может привести к благоприятным результатам¹.

Бюрократическая переселенческая политика царизма, наносившая огромный вред и разорение казахскому хозяйству, не могла ослабить остроты земельного голода в России и пригнать классовые противоречия в русской деревне. Нерешительность требований казахского депутата Каратаева и его заявление о готовности казахов «потесниться» было проявлением идеологии компромисса казахского байства, примирившегося с царской переселенческой политикой.

Казахский простой народ выступал против царского правительства и против баев-феодалов.

Революционное движение в казахском ауле носило ярко выраженный классовый характер.

Казахская беднота и малоимущие (кедеи и джатаки), как и русские крестьяне-переселенцы, отказывались платить казённые налоги и подати и нести натуральные повинности, избивали царских чиновников — аульных и волостных старшин и крестьянских начальников, отказывались давать лошадей и продукты переселенческим землеотводным партиям, изгоняли их из аулов, не давали производить землеотводных работ.

Казахская беднота устраивала наезды на байские стада, угоняла байский скот, увозила или сжигала стога сена, косила и увозила байский хлеб, пасла свой скот на байских пастбищах.

Казахи-рабочие на предприятиях, железных дорогах и на промыслах выступали вместе с русскими рабочими во время забастовок, принимали активное участие в демонстрациях, на митингах.

Русские крестьяне-переселенцы требовали землеустроить новосёлов, не получивших землю, а переселенцы, сидевшие на арендованной у казаков и у казахских баев земле, отказались платить арендную плату.

Заскоружные чиновники царского правительства в Казахстане в лице генерал-губернаторов, уездных земских начальников и переселенческого управления, проводившие колониальную грабительскую политику царского правительства, разорявшую казахское население и обрекавшую его на вымирание, ставили и русских переселенцев в невыносимые условия, наживаясь за счёт ссуд, отпускаемых на хозяйственное устройство и обзаведение переселенцев, и за счёт взяток с тех же бедняков-переселенцев. Русские крестьяне-переселенцы попадали в кабалу к зажиточным казакам и кулакам-колонизаторам. Аграрный вопрос в Казахстане в период революции 1905—1907 гг.

¹ См. «Государственная дума. Второй созыв», Стенографические отчёты, 1907 г., Сессия вторая, т. II, стр. 67.

приобрёл весьма острый характер. Царскому правительству не удалось ослабить остроту аграрного кризиса переселением крестьян из России на окраины, наоборот, борьба крестьян за землю усилилась как в России, так и на окраинах. На окраинах борьба крестьян за землю принимает характер классовой политической борьбы бедняков-переселенцев против зажиточного казачества и кулаков-старожилов. Русские крестьяне-переселенцы в 1905—1907 гг. поняли, что надо вести борьбу против всей переселенческой политики царского правительства. В своих прошениях и жалобах царским чиновникам они открыто высказывали своё недовольство переселенческой политикой правительства.

Огромное значение в Казахстане имела вода. Оросительная система находилась в руках казаков, кулаков и байства. Русские крестьяне-переселенцы — «новосёлы» и бедняки-казахи находились в полной зависимости от этих эксплуататоров в отношении не только землепользования, но и водопользования.

Крестьяне села Благовещенского жаловались графу Палену, что они имеют очень малые наделы земли — всего по одной десятине на душу, да и этой нечем оросить. Они были приписаны к казачьему сословию, но правление Семиреченского казачьего войска выписало их из казачьего сословия — отказалось от них, и они попали в тяжёлое положение. Богатые казаки-старожилы не давали им воды для орошения полей.

В ещё более тяжёлом положении находились «новосёлы».

В «Наказе» члену Государственной думы большевику Голованову крестьяне посёлка Ерисковского Ново-Семиозёрной волости Кустанайского уезда писали:

«Милостивый государь Иван Фёдорович! Сильно трудно нам, переселенцам, жить на новых землях, мы уже прожили 3 года на нашем участке, а хозяйства наши так плохи, что бо́льшая половина нашего посёлка имеет не более одной лошади и у нескольких таких бедняков имеется ещё по корове. Живём же мы в таких землянках, что хорошие хозяева скотины не станут держать в них, и кроме этих землянок мы не имеем никаких пристроек, так что приходится самим жить в одной половине землянки, а в другой, или, скорее сказать, в сенцах, помещается там же лошадь и если есть у кого — корова.

Земли нам хотя и достаточно дали, но она приносит мало пользы, потому что разработать эту землю очень трудно, и очень многие не в силах... О вышеизложенном имеем честь покорнейше просить Вас, милостивый государь Иван Фёдорович, походатайствовать перед членами Государственной думы за упоминаемые наши нужды»¹.

¹ ИА КССР, ф. 25/28, оп. 1, д. 1, л. 43—44.

Что может быть красноречивее этого документа, рисующего крайне тяжёлое положение русских крестьян-переселенцев. Русские крестьяне попадали в зависимость не только от зажиточного казачества и русских кулаков-колонизаторов, но и от казахских баев, распоряжавшихся водой и камышом (идушим на топливо), покосами и землёй, сдаваемыми баями в аренду русским переселенцам. Очень часто баи сдавали одну и ту же землю нескольким хозяевам крестьянам, получали от них за аренду деньги, а сами укочёвывали на джайляу, и, когда эти арендаторы выезжали весной на пашню, арендованную несколькими хозяевами, между ними происходили ссоры и драки. Так же как и царские чиновники, казахские баи старались посеять национальную рознь между русскими переселенцами-крестьянами и трудящимися казахами, но трудящиеся казахи стали понимать, что их враги не русские крестьяне-переселенцы и рабочие, а царское правительство, царские чиновники, русские кулаки и казахские баи.

В революции 1905—1907 гг. трудящиеся массы Казахстана выступали вместе с русскими рабочими и крестьянами.

*
*
*

В течение всей революции 1905—1907 гг. казахское население принимало участие в революционной борьбе рабочих России, отстаивая свои права на свободу. Столкновение казахов с войсками и полицией было нередким явлением. Именно тогда, в годы революции 1905—1907 гг., впервые выступил на защиту казахской бедноты будущий вождь национально-освободительного восстания 1916 г. Амангельды Иманов. Ленин, оценивая участие угнетённых народов окраин России в революционном движении 1905—1907 гг., писал: «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»¹.

Революционное движение в России в период первой буржуазно-демократической революции нашло живейший отклик, сочувствие и поддержку среди угнетённых народов окраин России.

Революционное движение в Казахстане развивалось и росло под влиянием российского революционного движения, которым руководил русский пролетариат и его большевистская партия.

Историческое значение революционных событий 1905—1907 гг. в Казахстане исключительно велико. Они показали трудящимся Казахстана, что освобождение всех угнетённых

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 162.

народов России возможно лишь в совместной с русским народом революционной борьбе против самодержавия, против эксплуататоров — капиталистов, помещиков, кулаков и баев.

В революции 1905—1907 гг. ясно обозначились классовая дифференциация и классовая борьба в казахском ауле. Казахские буржуазные националисты показали себя в 1905—1907 гг. защитниками самодержавия, сторонниками сохранения в казахском ауле феодальной старины и патриархально-родового быта. Буржуазные националисты уже во время революции 1905—1907 гг. создали основы для образования националистической контрреволюционной партии «Алаш», оформившейся в 1917 г.

Революционные события 1905—1907 гг. имели большое значение для дальнейшего развития национально-освободительного движения в Казахстане. Без революционных событий 1905—1907 гг. было бы невозможно столь мощное национально-освободительное восстание казахов в 1916 г., во время которого казахские буржуазные националисты открыто встали на защиту царского правительства. Полное освобождение угнетённым народам принесла лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.